

Т.П. Буслакова

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

В названии зафиксирована специфика жанра. Многие стилистические элементы подтверждают это жанровое обозначение. Ориентация на традицию народной исторической песни проявляется и в тематике (первый крупный тематический цикл исторических песен посвящен событиям второй половины XVI века — времени царствования Ивана Грозного), и в характеристике образов, и в стихотворной форме (в основе речитативный стих, характерный для таких жанров фольклора, как былина, историческая песня, баллада и др.).

Формальные особенности поэмы имеют важнейшее значение для раскрытия исторической темы. Орнаментальные приемы (запев, зачины, повторы, завершающая «слава») подтверждают, что в поэме необычный рассказчик. Песня «на старинный лад» создается гусярами («Гусяры молодые/Голоса заливные!»), современниками происходящих событий («Ох ты гой¹ еси, царь Иван Васильевич!»). Для образов характерна фольклорная условность, использование таких песенных особенностей, как художественный параллелизм, постоянные эпитеты. На основе речитативного стиха создан своеобразный ритмический рисунок поэмы. Количество строк в строфах не постоянное, оно зависит от смысла высказывания и колеблется от 2 до 26 (ч. 2, монолог Алены Дмитриевны). В единое целое текст объединен благодаря воспроизведению 3-иктного речитативного стиха (нерифмованный, с преобладанием дактилических окончаний). Речитативный стих является видом русского народного стиха, в котором промежутки между сильными местами колеблются от одного до трех слогов.

Имитация речитативного стиха в литературном произведении связана с применением тонического стихосложения (основанного на соизмеримости строк по числу ударений, между которыми количество безударных произвольно). У Лермонтова использована та ступень перехода от силлабо-тоники к чистой тонике, которая называется тактовиком на хорейской основе (правильные стопы хорей чередуются с другими, где добавляется 1–2 безударных слога в произвольной последовательности).

На историческом материале исследуется вневременная **проблематика**: главные герои не только находятся на разных ступенях социальной лестницы, но и являются соперниками в любви и, главное, нравственными антиподами. Этическая сущность **конфликта**, составляющая важнейший элемент новаторства в романтическом произведении, обусловлена авторским стремлением к изображению национального характера.

В поэме три части, запев и заключительная «слава». В запеве названы основные герои, получающие значимые для развития сюжета характеристики: опричник — царский любимец, купец — смельчак. Первым поименован тот, кому отдается в поэме роль судьи — «царь Иван Васильевич», а последним назван истинный адресат песни («Православный народ ею тешился...»), чья особая роль подчеркнута обращением к особенностям фольклорного жанра.

В первой части возникает картина царской трапезы, на которой «грозный царь» подобен «солнцу красному», а его стольники, «бояре да князья», опричники — «тучкам синим». «Все» пируют вместе с царем, славят его щедрость и благоволение. Резко выделяется на этом фоне один «молодец», охарактеризованный на основе антитез («Улыбаясь, царь...» — «Опустил головушку на широкую грудь...», «И все пили...» —

¹ *Гой* — заздравное восклицание (от глагола *гойть* — жить, здравствовать).

«В золотом ковше не мочил усов...»), а также постоянных эпитетов, создающих условный образ («Удалой боец», «очи темные», «широка грудь», «дума крепкая» и др.). Соединение таких черт придает герою обобщенный характер. Хотя в дальнейшем конкретизируется его происхождение («А из роду ты ведь Скуратовых...»), предстает достоверным положение «любимого опричника», которому не «об чем печалиться» («...твоей милостью... Мы не хуже другого нарядимся»), Кирибеевич воплощает образ романтического злодея, чьи «плечи богатырские» «тяготит» дума об Алене Дмитриевне:

Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
...
Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь...

«Нечестивая» природа героя проявляется в том, что он «обманул» царя, «Не сказал... правды истинной» — не открыл причины своей всепоглощающей тоски. Сосредоточенность на «думе черной» передает гипербола, характерная для былины:

Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.

Однако в отличие от былинного образа в Кирибеевиче такая смелость свидетельствует не о твердости характера, а о «скуке», побуждающей скорее «сложить... буйную головушку, избавиться от «постылой» жизни. Причиной безнадежного настроения героя является преступная сущность его езнадежной любви:

Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица,
В церкви божией перевенчана...

Столкновение Кирибеевича с молодым купцом предвещает предположение царя о том, что «кручина» может возникнуть из-за того, что опричника победил в кулачном бою «На Москве-реке, сын купеческий». Мрачную эмоциональную окраску первой главы снимает рефрен, обращающий к образам «ребят» — гуляров, стремящихся своим рассказом не напугать, а потешить слушателей. Разницу в настроении подчеркивает переход на акцентный стих в первых двух строчках прибаутки, имитирующий говорной стих народных присловий скоморохов (текст, состоящий из двух зарифмованных отрезков без четкой ритмической организации; объем междуиктовых интервалов не ограничен, у Лермонтова — до четырех слогов):

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!

Во второй части обрисован противостоящий Кирибеевичу купец Степан Парамонович Калашников. Бытовая картина более детализирована, хотя наряду с конкретикой подробностей и этот образ («лавочка», «замок немецкий», «свеча пред образом») охарактеризован при помощи постоянных эпитетов («статный молодец», «сердце молодецкое», «имя честное», «святая правда-матушка»). Несмотря на условность героя в своих основных характеристиках он является антитетичным «верному слуге» царя: его день проходит в трудах, в «высоком доме» «за Москвой-рекой» его ждет «молодая хозяйка». У них «семья... честная», его помыслы обращены к защите «правды-матушки». Различие между ними подчеркнуто и отношением героини.

Образ Алены Дмитриевны, внимание к которому привлекается в связи с тем, что ее любовь оказывается предметом соперничества героев, охарактеризован на основе

монолог, где она «восплакалась» мужу на обиду. В ее речи воспроизводится стилистика народной лирической песни: семейно-бытовое содержание выражено с открытой эмоциональностью, появляются рифмы («хрустит» — «бежит», «подкосилися» — «я закрылася»), использованы постоянные эпитеты («смерти лютыя», «шелковой фатой», «меня честную», «злые соседюшки», «горючьми слезами», «верную жену», «дитя малое»), повторы («миловать-ласкать», «дитя малое, неразумное»), уменьшительно-ласкательные формы («одинешенька», «ноженьки», «головушка», «соседушки», «подарочек», «сторонюшка», «сиротинушка»). Ее жизненные представления находятся в русле понятий о «честной» семье. Она ходит к вечерне в приходскую церковь, встречается дома мужа, накрывая «стол белой скатертью», заботится о детках; в любви Кирибеевича, выраженной с испугавшей ее силой страсти («И он сильно схватил меня за руки...», «Лишь не дай мне умереть смертью грешною...»), она видит «срам», поругание («Поцелуй его окаянные...», «Опозорил он, осрамил меня...»). Его называет «разбойником», «охульником». Больше всего боится потерять доверие и любовь мужа: услышав его обвинения, она «Задрожала вся», «Затряслась, как листочек осиновый» (художественный параллелизм, также характерный для лирической песни), «В ноги мужу повалилася», призывая его не дать ее «в поругание».

Защита ее честного имени становится поводом для боя, являющегося *кульминацией* сюжетного действия. Однако его причины предстают в контексте поэмы более глубокими. Антитеза «нечестивый» — «честный», прозвучавшая в характеристике героев, переходит в открытое столкновение «За святую правду-матушку». Суть конфликта оказывается связанной с народными представлениями о добре, за которое купец Калашников готов «на-смерть биться, до последних сил», призывая и своих «братцев любезных» «не сробеть», если «злой опричник» побьет его, и выйти следом за ним на «святую» битву.

Эмоциональный накал второй главы снимается, так же как и мрачность первой, рефреном «Ай, ребята, пойте...». Третья глава начинается развернутым сравнением, с помощью которого создается картина утра:

Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Усыпается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.

Контрастным является изображение кулачного боя. Как «алая заря» «разыгралась» «на... радости», так и царь Иван Васильевич хочет «потешиться» молодецкой забавой. Да и сами «Удалые бойцы московские» пришли «разгуляться» на «широком кругу». «Подсмеивает» над ними Кирибеевич, видя, что никто из них не решается сразиться с ним:

Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

Трагическая серьезность появляется в сцене кулачного боя, когда «выходит Степан Парамонович». Как и Кирибеевич, он «Поклонился прежде царю грозному». Но затем, в отличие от молодечества опричника («Подпершися в бок рукою правою...»), он кланяется Кремлю, «святым церквам» и «всему народу русскому», как бы прося благословения на «страшный», «последний» бой с бусурманами (этот мотив повторен в стихотворении «Бородино», где «темные» силы завоевателей названы «бусурманами», что является автореминисценцией из поэмы):

«Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,—
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

На шутку Кирибеевича о том, что надо поведать, какого противник «рода-племени», чтобы «знать, по ком панихиду служить», Калашников отвечает со всей серьезностью («По одном из нас будут панихиду петь...»). Это вызывает страх у опричника, свидетель-

ствующий о том, что в словах купца он услышал голос судьбы, предвестие смерти и позора:

Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Романтический конфликт сильной личности с судьбой в поэме претворяется в столкновение добра и зла, олицетворением которого оказывается «бусурманский сын» Кирибеевич. В речи Калашникова скрытым образом называются его преступления: он жил не «по закону господнему», опозорив чужую жену, «разбойничал ночью темною», «таился от свету небесного». В купце Калашникове, напротив, сосредоточена христианская и народная правда, воплощена идея продолжения «честнова» рода («А родился я от честнова отца...»). Его защищают «святые» силы («На груди его широкой висел медный крест/Со святыми мощами из Киева...»), о нем будут вспоминать «люди добрые».

Исход «богатырского боя» представляет *проблемную развязку* нравственного конфликта в поэме. После удара «со всюю силою» Калашникова его «ненавистник» падает замертво, «будто сосенка», подрубленная под корень. Сравнение выявляет полную победу доброго начала в поэме. Однако его носитель сам оказывается грешником, совершив убийство («Помолитесь» «за душу мою, душу грешную!»). Кроме того, силы зла, воплощенные и в грозном царе («Прогневался гневом», «нахмурил брови черные»), совершают недоброе дело — расправляются с победителем, которого было обещано наградить («Кто побьет кого, того царь наградит...»). Царская милость для купца Калашникова оказывается смертельной:

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

В финале поэмы снова звучат песенные мотивы. Безымянная могила для людей и природы остается памятным местом. Над ней «гуляют-шумят ветры буйные». Около нее

Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Песня становится важнейшим понятием для оценки судьбы героя поэмы. В ней воздается «Каждому правдою и честью», поэтому и спетая на могиле купца Калашникова песенка гусяров воспринимается как дань народной памяти. Усиливает эту характеристику торжественный финальный аккорд, прославление носителя «правды-матушки» — народа:

Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!